

ЧТОБЫ ТЕБЯ УСЛЫШАЛИ...

В 1972 году, сразу же после прихода Владимира Шинкарука в театр им. Н. Щорса, мне довелось вместе с ним побывать на творческой встрече с молодыми строителями. Тема была точно обусловлена — об актерской профессии.

В общежительском многолюдье прозвучала исповедь, с которой иной пожелал бы остаться наедине. Ее смысл в этих вот гамзатовских строках:

Грозный поток отделяет мечту
От непростого ее воплощенья...

Актера не смущало, что аудитория была довольно разношерстная. Он с азартом налаживал мостики взаимопонимания. И оно приходило — вначале в удивлении обнаженной искренностью гостя, затем в наступившей чуткой тишине, в доверии множества вопросов.

После этой встречи для меня яснее стал характер Владимира. Мужал он в трудностях. Олечка после первого поступления в Харьковский институт искусств. Армия... Моряк-подводник орудием шваброй и, как некогда Демосфен с галькой во рту перекрикивал бурю, тысячно повторяет дикционное упражнение: «Карл у Клары украл кораллы...».

Ситуации упрямой одержимости часто повторяются в биографии В. Шинкарука. С бою взят институт, в нелегком преодолении (такова профессия) дается каждый шаг творчества...

И тем не менее, нет в этом школярства, эдакой боязкой ошупи. Владимир принадлежит к тем артистам, которые с первых своих работ выявляют смелую определенность авторского почерка.

Вспоминается его дебют у щорсовцев. Вчерашний выпускник профтехучилища, молодой рабочий Агеев в спектакле «Здрастуй, Кримов!». Р. Назарова был представлен горячим, несдержанным, порой грубым и резким. Но за этим артист давал почувствовать недюжинный человеческий характер героя. В импульсивных ритмах, эмоциональных всплесках улавливалось, пожалуй, самое важное в парне — ожидание собственной зрелости, внутренней гармонии.

Роль была сыграна на одном

дыхании. Она познакомила нас с актером сверхвысокой эмоциональности, который входит в среду спектакля (позаимствуем сравнение, как «раскаленный утюг в снег...»). Эта же роль убедила, что у артиста ошутим энергичный импульс мысли, четкое рациональное начало.

В «Сталевахах» Г. Бокарева сталевавар Алексей — Шинкарук — будто повзрослевший, духовно утвердившийся Агеев. Широта его натуры проявляется в осмысленности и общественной значимости поступков.

Разговор о личном и гражданственном в человеке артист убедительно продолжил в таких ролях, как Николай («Пам'ять серця» А. Корнейчука), Валерик («Третя патетична» Н. Погодина), Дипломат («Голубі олені» А. Коломийца).

Это вовсе не значит, что у артиста выстраивался некий чистый ряд положительных социальных героев. Наряду с названными он уже играл в «Червоній каліні» разбойника Окатого, оставшегося в памяти злой, стремительной рысью... Пожалуй, это был своеобразный эскиз к двум крупным ролям отрицательного плана — Герострата («Забуди Герострата!...» Г. Горина) и Стратилета («Зачарований вітряк» М. Стельмаха).

Белинский писал, что ничего нет страшнее ущемленной посредственности. В этом смысле похожи поджигатель храма Герострат — из древней истории и живший в нашу эпоху великий завистник, черная душа Стратилет. Кажется, что и назвал этого человека М. Стельмах по созвучию с именем его собрата по человеконенавистничеству.

И эти образы В. Шинкарук создает на предельной эмоциональности, не знающей спадов. Но он четко указывает на иные социально-этические мотивы энергии честолюбцев. Эта энергия не созидательная, в ней больше моторности, изначальной нервной заведенности. Таким людям некогда остановиться и оценить свои поступки.

Манера игры артиста здесь имеет свои особенности. Герострата, Стратилета он словно бы чувствует больше как явление, требующее немедленного разоблачения, нежели

как живых, конкретных людей. Спеша проявить тенденцию исполнителя менее внимателя, к жизненно непосредственному в образе...

Свое, личное, привносимое в исполнительский ансамбль, ему приходится постоянно сопоставлять и корректировать. Артисту ясно — многое еще нужно постичь: умение мастеров-щорсовцев точно подавать контрастные характеры, находить неповторимые краски в драме и комедии...

С каким трудом давалась, например, роль фашиста в героической музыкальной комедии «Друге весілля в Малинівці»... Образ, предложенный В. Шинкаруком, был слишком «серьезен» в стихии сатиры, издевательской насмешки над врагами. Комедийно-гротесковые краски не давались. А блестящий урок мастерства был рядом — исполнение роли Попандупуло заслуженным артистом УССР И. Проснянченко. Здесь и буффонада была психологической, в гротеске естественно вырисовывались грани человеческой личности. Контакт с этим мастером комедии многое объяснил Владимиру.

Подобное — в драме «Без вини винні» А. Остоювского. Незнамова артист в самом начале играл с романтическим акцентом... А спектаклю в целом эти краски и не нужны были, так как строился он на психологических полтонах. Камертоном для него стал исполнительский стиль заслуженной артистки УССР Т. Вольской, игравшей Кручинину. В дуэтных сценах с ней он нашел со временем более точную реалистическую тональность своей роли.

А как «синхронно», как бы во взаимном отражении, вырисовались образы в «Марії Тюдор» Г. Гюго: королева — Л. Баклаженко и Фабиано — В. Шинкарук — любовники в игре, игроки в любви... И здесь — познание законов сценического ансамбля, умение откликнуться, взять на вооружение точный посыл партнера.

Владимир Шинкарук третий год возглавляет партийную организацию театра им. Н. Щорса. Дня не проходит без общественных забот... Все это нерасторжимо с творчеством, им же озарено.

Читаю статью народного артиста СССР Михаила Ульянова и радуюсь тому, что строчки, написанные им, характеризуют того, о ком я попытался рассказать: «Современный актер, если он что-то защищает или отвергает, должен быть страстным. Сейчас мир очень криклив — шумные улицы, шумная музыка. Чтобы тебя услышали — необходимо пустить «сердце вразнос». Художник должен быть неистов, надо отдать что-то большее, чем просто мастерство...».

В. ГАЙДАБУРА,
кандидат искусствоведения.

На снимке: сцена из спектакля «Спокойний не буди». В. Шинкарук (слева) в роли Аркадия и В. Лукьянец (Петро).

